

УДК 821.161.1(Фидлер Ф. Ф.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-157-167.

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4.

ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

**АНКЕТА ЛИТЕРАТОРА И ЦЕННОСТНЫЕ СДВИГИ В ЛИТЕРАТУРЕ МОДЕРНА****Селютина Е. А.**

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

SPIN-код: 2873-9060

**А н н о т а ц и я .** Статья исследует «анкету литератора», жанр и метод сбора данных, появившийся в эпоху модерна в литературной периодике, который стал основой для формирования книг-собраний анкет, представляющий собой эгоосмысление писателя в контексте запроса эпохи по отношению к творцам. Материал анализа – собрание анкет Ф. Фидлера «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей» (1911). Нарративный подход позволяет исследовать ответы литератора, т. е. преломление событийной истории авторства, вхождения в «мир литераторов» в персональном опыте автора начала XX века: цели письма, взаимоотношения творца и институций книжной среды (издателей, редакторов, критиков); социальный запрос (конструирование исчерпывающего канона вопросов), «нарративную рамку», в которой литератор оказывается благодаря специфической форме анкеты. «Анкета литератора» интерпретируется как один из первых образцов прямого взаимодействия писателя с читателями, способствовавший удовлетворению запроса читающей публики в понимании священного характера литературного творчества. Предметом анализа являются вопросы, связанные с «мытарством по редакциям» и оплатой литературного труда в начале пути писателей, в сравнении с социальным благополучием / неблагополучием в момент написания ответов на вопросы анкеты. Автор статьи приходит к выводу, что «нарративная рамка» и развернутые ответы литераторов в данном тематическом кейсе демонстрируют новые нормы взаимодействия внутри литературной среды между ее акторами (проанализированы 54 анкеты писателей начала XX века). Литераторы публично обсуждают гонорары, символическую и фактическую стоимость писательского труда, возможность всецело посвятить себя художественному письму, дают сведения о личной жизни, получая возможность акцентировать внимание на отдельных сторонах собственного портрета. Ретроспективный самоанализ позволяет авторам рассуждать о неслучайности пути страдания писателя, механизмах перемещения писателя в классики. Ф. Фидлер, занимая культуртрегерскую позицию в литературной жизни модерна, обладая ансамблевым мышлением, создает сборник специальных нарративов, формирующихся в литераторском профессиональном дискурсе.

**Ключевые слова:** литературная автобиография; автобиографические практики; эго-наррация; анкета литератора; русский модернизм; речевые жанры; интервьюеры; интервьюируемые; Ф. Фидлер; литературный дебют; литераторы; литературное творчество; русская литература; русские писатели

**Для цитирования:** Селютина, Е. А. Анкета литератора и ценностные сдвиги в литературе модерна / Е. А. Селютина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 157–167. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-157-167.

**WRITER'S QUESTIONNAIRE AND VALUE-BASED SHIFTS IN MODERN LITERATURE****Elena A. Selyutina**

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

**Abstract.** The article explores the “writer’s questionnaire”, a genre and method of data collection that appeared in the modern era in literary periodicals, which became the basis for the formation of books-collections of questionnaires, representing the writer’s self-reflection in the context of the era’s request in relation to fiction creators. The practical research material for analysis is taken from the collection of questionnaires compiled by F. Fiedler “The First Literary Steps: Autobiographies of Modern Russian Writers” (1911). The narrative approach allows exploring the answers of the writer, i.e. the refraction of the event-driven history of authorship, entry into the “world of writers” in the personal experience of the author at the beginning of the 20<sup>th</sup> century: the goals of writing, the relationships between the creator and the institutions of the book-making environment (publishers, editors, critics); also a social query (constructing an exhaustive canon of questions), and a “narrative frame” in which the writer finds himself thanks to the specific form of the questionnaire. Writer’s questionnaire is interpreted as one of the first examples of direct interaction between the writer and his readers, which contributed to satisfying the request of the reading public in understanding the sacred nature of literary creativity. The object of the analysis encompasses the issues related to the “ordeal of editorial offices” and the payment for literary labor at the beginning of the young writers’ career, in comparison with social well-being / non-well-being at the time of writing the answers to the questionnaire. The author of the article comes to the conclusion that the “narrative frame” and the detailed answers of the writers in this thematic case demonstrate new norms of interaction within the literary environment between its actors (54 questionnaires of writers of the beginning of the 20<sup>th</sup> century were analyzed). The writers publicly discuss fees, the symbolic and actual cost of writing, the opportunity to devote themselves entirely to artistic writing, give information about their personal lives, getting the opportunity to focus on certain aspects of their own portrait. Retrospective self-analysis allows the authors to talk about the non-randomness of the path of suffering of the writer, and the mechanisms of turning an ordinary writer into a classical one. Fiedler, taking a culture maker’s position in the literary life of modernity and possessing an ensemble kind of thinking, creates a collection of special narratives formed in the literary professional discourse.

**Keywords:** literary autobiography; autobiographical practices; self-narration; writer's questionnaire; Russian modernism; speech genres; interviewers; interviewed; F. Fiedler; literary début; writers; literary creative activity; Russian literature; Russian writers

**For citation:** Selyutina, E. A. (2025). Writer's Questionnaire and Value-Based Shifts in Modern Literature. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 3, pp. 157–167. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-157-167.

## Постановка проблемы

Анкетирование литераторов как специальная научная проблема только недавно оказалось в фокусе внимания литературоведения, до сих пор не рассматривалось как отдельная область истории литературы, входя в корпус изучения иных эго-источников (писем, дневников, мемуаров и т. п.). А. С. Александров отмечает, что «жанр анкеты появился в начале XX века в массовых периодических изданиях под влиянием английской периодики, не имел четкой дефиниции» (исследователь анализирует словарные статьи энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Эфрона, где анкета определяется через ссылку к статье «сведущие люди» («опросы С<ведущих> людей называ<ют> *обследованиями*, или *анкетами* (enquê te). Классической страной анкет является Англия») [Александров 2019: 5]. Эта форма оказалась устойчивой, став актуальным методом сбора данных о писателях и привычным подходом к взаимодействию с литераторами в художественной периодике (анкетирование проводили и проводят многие литературно-критические издания, как, например, «Вопросы литературы» и «Иностранная литература», об этом см. [Карташева 1994]), породив метажанровые формы, такие как книги ответов на анкеты, среди которых самыми известными стали книги-сборники анкет Ф. Фидлера «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей» (1911); десять вопросов об отношении к поэзии и личности Н. Некрасова, составленные К. Чуковским (впервые некоторые ответы были опубликованы в юбилейный для Некрасова год в «Летописи Дома литераторов» (1921), «Писатели об искусстве и о себе» (1924), «Как мы пишем» (1930), «Как мы пишем» (2018). Согласимся с исследователями М. Черняк и М. Саргсян, которые полагают, что интерес к эго-осмыслению совпадает с кризисными для литературы и писателей периодами: «Интерес современного литературоведения к проблеме литературной рефлексии осуществляется в основном на материале разнообразных метатекстов, особенно ярко представленных в рубежные эпохи» [Черняк 2021: 68]. Возникновение и развитие жанра анкеты совпадают с перестройкой литературных институций в эпоху модерна и раннесоветское время, актуализируются «перестройкой» конца 1980-х годов и первыми постсоветскими годами (1990-е), в результате анкеты становятся стабильным элементом литературной жизни XXI века внутри конвергентной культуры.

## Используемые методы и аналитические подходы

О возможности исследовать динамику взглядов литераторов в анкетной репрезентации пишут Д. А. Анисенко [2023], Е. А. Андрущенко [2023],

Е. Е. Вахненко [2019], И. В. Кузнецов [2019]. Необходимо отличать анкету литератора, предназначенную для публикации в широко распространявшейся периодике (например, анкета журнала «На литературном посту» «Какой нам нужен писатель»), на которую дают ответы литераторы 1920-х годов [Матвеева 2012]), от классической формы *curriculum vitae* (как, например, анкета литератора, вступающего в писательскую организацию), которая также становится предметом отдельного изучения (об этом см. исследование Р. Е. Клементьева [2023]). В целом же данная проблема лежит в плоскости изучения автобиографических нарративов, в том числе внутрицеховых, литературных, теория которых исследована И. Савкиной [2013; 2018], М. П. Абашевой [2001], Т. А. Сабуровой, Н. Н. Родигиной [2015].

Филологи, историки литературы все чаще обращаются к эго-документам разнообразного типа, понимая их не столько как источник объективных данных (как понимали анкеты советские исследователи, см., например, работы В. Лакшина [1987]), сколько как область специфического преломления событий в фокусе конкретного представителя литературной среды определенной эпохи (нарративный подход) [Силантьев 2013]. «Нарративный поворот» (Й. Брокмейер-Р. Харре [2000]) позволяет анализировать не только ответы самого литератора, т. е. его нарратив о миссии автора, целях письма, взаимоотношениях творца и общества (читающей публики), но и общественный запрос, выражающийся в формировании определенного пула вопросов, перемещающихся от анкеты к анкете и составляющих ее смысловое ядро, т. е. «нарративную рамку», в которой литератор оказывается благодаря специфической форме анкеты. В этом смысле необходимо вернуться к истокам жанра анкеты для литератора и определить наиболее существенные факторы, повлиявшие на выбор вопросов, позволившие анкете (наряду с интервью) утвердиться в качестве одной из ведущих форм репрезентации ценностных установок литературной среды.

Автор, давая ответы на вопросы анкеты, выступает самоинтерпретатором, а саморефлексия позволяет не только анализировать себя как «другого», но и встраивать представление о самом себе в культурные мифы о писательстве. Конец XIX – начало XX веков в России – время, когда литературная среда развивалась не менее интенсивно, чем культурная жизнь в целом. К этому периоду связи внутри поля литературы уже сложились, акторы литературного поля действовали в рамках принятых конвенций, не в последнюю очередь связанных с коммерциализацией труда литератора в эпоху появления массовых периодических изданий. Способов «войти в литературу» стало больше за счет множества журналов и газет, которые

начинают работать интенсивнее, меняя запрос с большого нарратива реалистической художественной стратегии на очерк или рассказ. В силу нового устройства поля литературы важным источником для изучения данного периода становятся автобиографические практики, которые, по мнению исследовательницы Д. Анисенко, вслед за современными нарратологами и культурологами, нужно рассматривать в контексте «культурной логики эпохи» и перформативного потенциала представления истории через «я-нарратацию» [Анисенко 2023: 141]. Жанр «анкета литератора», на наш взгляд, должен интерпретироваться как попытка прямого взаимодействия писателя с читателями, способствовавшая разрушению своеобразной стены, охранявшей тайну письма.

Ретроспективный компаративный анализ позволяет увидеть, что под анкетой эпоха модерна понимает не жанр междисциплинарного характера (сегодня синонимически в одном ряду с данным термином могут располагаться «опросный лист», «опросник», «опросный лист»), а метод сбора материала, восходящий к традициям домашних альбомов (т. е. не связанный с профессиональным письмом), известных еще с первой половины XIX века [Кузнецова 2000]. Начало XX века дало интересные образцы применения этого подхода к собиранию данных для создания панорамных «портретов эпохи», среди которых важным источником – сборник анкет писателей, собранных Ф. Фидлером, «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей» (1911), над которым шла работа с 1909 по 1911 годы. Ф. Фидлер создал опросный лист из 25 вопросов, на которые прислали ответы 54 писателя.

### Цель работы

Данная статья ставит цель исследовать ранние российские образцы жанра публично презентуемой анкеты литератора, собранные в сборнике Ф. Фидлера «Первые литературные шаги», понимая их как факт динамики взаимоотношений социума и литератора эпохи модерна, демонстрирующий важный этап оформления способов публичной рефлексии литератора, а также оформление запроса социума к писателям в момент общей демократизации литературных институтов конца XIX – начала XX веков. Интересно, что сам Ф. Фидлер свой опросник не называет «анкетным»: для него данный «опросный лист» явно преемственен автобиографии (см. подзаголовок «Автобиографии современных русских писателей») не только потому, что форма, новая и набирающая популярность, еще только утверждается в публицистическом дискурсе, но, скорее, «по духу» и интенциональности, не совпадающей с количественным методом сбора данных. Анкетный лист Ф. Фидлера можно разделить на несколько тематико-смысловых кластеров: вопросы, посвященные природе таланта и истокам вдохновения (с 1-го по 4-й); влияние «чужого» письма и обвинения в плагиате (вопросы 5–6); литературный дебют и феноменология неудачи и успеха (вопросы 7–8, 11–12, 17–18, 20–22, 24–25); перипетии

писательской судьбы, взаимоотношения с акторами литературного поля – коллегами, редакторами, цензорами (вопросы 9–10, 13–16, 19), саморефлексия «удовлетворенности» писательским трудом (23). Предметом нашего анализа являются вопросы 9, 17, 18, 19, 25 («мытарства по редакциям» и оплата литературного труда – «тогда», в начале пути и «теперь», на момент написания анкеты), предложенные Ф. Фидлером писателям, демонстрирующие новые нормы взаимодействия внутри литературной среды между ее акторами и реакции-ответы литераторов (54 анкеты). Сборник показателен для анализа устойчивых нарративов о месте литератора в культуре (профессиональная идентификация), сформулированных «изнутри среды», а также для интерпретации устойчивого представления о том, что путь писателя – сопротивление обстоятельствам и преодоление ограничений ради «куска хлеба», с одной стороны, и «невозможности молчать», «великое счастье», с другой.

### Исследование

Биограф выступает своеобразным регулятором «биографического нарратива», выделившегося из информационного многообразия жизни реальной персоны. По словам А. Рейтблата, традиционно в портретирование в силу культурных установок составителей биографий не попадали частная жизнь, быт и повседневность, расходы и доходы, пьянство персонажей, а также их эротическая жизнь [Рейтблат 2014: 204]. С этим публичным нарративом вступает в конфликт нарратив частный, складывающийся в эго-документах, например в дневниках, где частная жизнь, в том числе и рутинная («докса»), противостоит логике «события» («парадокса»). По словам И. Савкиной, в автобиографии «вся жизненная дорога рассматривается автором-повествователем как путь туда, где он сейчас находится, а все случившееся приобретает смысл, становится как бы частью невидимого плана» [Савкина 2013: 338]. Т. А. Сабурова и Н. Н. Родигина полагают, что традиция написания автобиографии, складывающаяся в течение всего XIX века, показательна не только как «источник отражения идентичностей русских интеллектуалов», но и «как важнейший инструмент их формирования» [Сабурова 2015: 153]. Специфика автобиографического нарратива в сборнике анкет Ф. Фидлера складывается как результат эволюции коммуникативных тактик в культуре модерна, когда возможность говорить о себе публично, от первого лица, часто и много, оформляя свой персональный событийный или процессуальный опыт, становится своеобразной «новой нормой» жизни. В этом смысле автобиографические нарративы сборника, хоть и зависят от нарративной рамки, предложенной Ф. Фидлером, являются ярким образцом публичного презентирования «я-концепции».

К концу XIX века уже вполне определен корпус отечественных классиков, и становится ясно, что «новым классиком» можно стать, если поместить себя в точку пересечения интересов экспертного сообщества, т. е. писателей, критиков, жур-

налистов, преподавателей литературы. Литература переходит в стадию саморегуляции. А. Рейтблат называет несколько факторов – прижизненных предпосылок для «вхождения в классику»: «публикация критических статей, а в идеале и книг о писателе; споры критиков и ряд положительных отзывов в периодике о нем; переиздание его книг, включение его произведений в хрестоматии; издание собрания сочинений; публикация биографии и портрета; наличие инсценировок его произведений; празднование юбилея» [Рейтблат 2020: 31]. В типологии литературных канонов, предложенной Б. Дубиным, место писателя определяется через «точку пересечения социальных контекстов, в которых так или иначе задаются представления о литературе»: «Можно говорить об устойчиво воспроизводимом, институциональном каноне (школа); актуальном каноне (литературная критика) и модном каноне (издательские стратегии в расчете на новую образованную, околоуниверситетскую публику)» [Дубин 2010: 69–70]. И в конце XIX века уже был создан и апробирован механизм закрепления статуса классика. Во многом эти функции приняла на себя сфера публицистики, газеты, поэтому, несмотря на сложное отношение к журналистике и журналистам в противовес литераторам, любым публичным выступлениям, писатели все же дают интервью прессе и отвечают на анкеты, присылаемые журналистами. Также дают ответы и на анкету Ф. Фидлера, который, безусловно, ставил иную задачу: не собрать сиюминутную реакцию на актуальные события современности, а дать возможность выразить себя через понимание литературной жизни как сложного пути литераторам-современникам.

В дневниках Федора Фидлера сохранились данные, которые позволяют судить о реакции писателей на предложение заполнить анкету «Первые литературные шаги». Ф. Сологуб сначала отказывался дать ответы, но 21 декабря 1909 г. согласился [Фидлер 2008: 526]. А. Куприн решительно отказывался [Там же: 528]: «Батюшков рассказал мне, что Куприн: “мол, сюжет слишком деликатен, публике же следует интересоваться его произведениями, а не совать нос в личную жизнь”» [Там же]. В. Иванов «извинялся, что до сих пор ничего не написал для “Первых литературных шагов”: он, дескать, совсем безалаберный человек» [Там же: 530]. К. Чуковский: «Из скромности он ничего мне не дал для “Первых литературных шагов”» [Там же: 535]. Л. Андреев: «Хорошая и полезная книга. В ней много сознательной и бессознательной лжи и рисовки, также и с моей стороны, но публике это надо» [Там же: 554]. М. Горький: «Горький ответил мне отказом, сославшись именно на то, что публике этого не надо» [Там же]. Как видим, причины согласия или несогласия очень разнятся, так как разнятся статус литераторов внутри литературного сообщества и их отношение к прессе (и, вероятно, к самому Ф. Фидлеру).

Часть реакций закреплена в экспозиционных частях ответов на анкеты (до нумерованной части). Например, Л. Гуревич: «Съ мѣсяць тому назадъ

получила я Ваше циркулярное приглашеніе принять участіе въ сборникѣ подѣ названіемъ “Первые шаги”, и мысль Ваша чрезвычайно понравилась мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, такой сборникъ можетъ имѣть въ цѣломъ “культурно-историческое” значеніе. И болѣе того. По себѣ я знаю, что иногда свѣдѣнія о жизни разныхъ писателей – объ ихъ невзгодахъ, преодолѣніи разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ трудностей, лежавшихъ на ихъ пути, – имѣютъ прямо “поучительное” значеніе въ самомъ примитивномъ, старомодномъ смыслѣ слова» [Фидлер 1911: 181–182]. Необходимость создания биографических и автобиографических портретов (одобрение деятельности Ф. Фидлера) отмечает в предисловии к своим ответам И. Гриневская: «Обычныя біографіи писателей, особенно живущихъ, предпосылаемый въ сборникахъ къ образчикамъ сочиненій каждаго изъ нихъ, сводятся къ сухимъ фактамъ и числамъ. Родился тогда-то, тамъ-то, учился тамъ-то, выступилъ на литературномъ поприщѣ тогда-то...» [Там же: 243]. Налицо явление, которое Б. Дубин связывал с вкладом в репутацию писателя [Там же]. Литераторы уже отлично понимают механизм формирования интереса к себе, продвижения на рынке и вхождения в историю литературы, это «обычное дело».

Причем многие писатели, чья роль в литературном процессе этого периода флюидна, связана с постоянной сменой социальных ролей от литературы к журналистике и обратно, реагируют на изменившуюся литературную среду особенно остро (см., например, зафиксированное в дневниках Ф. Фидлера: «Измайлов, в сильном раздражении воскликнул: Истинные олимпийцы в литературе скромны и благодарны за любое упоминание о них в печати. А разная сволочь, которая лишь печати и обязана-то своей славой...» [Фидлер 2008: 532]) или, напротив, фаталистически, признавая неизбежную влиятельность прессы: «Затем Чуковский рассказывал про какого-то человека: “Он не был знаком со мной лично, но прочитал в газетах, что я – сволочь”. Он сказал это небрежным тоном, как нечто само собой разумеющееся, даже не улыбувшись» [Там же: 536].

С середины XIX века издаются биографии российских классиков (например, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя). По словам исследовательницы «пушкинского мифа» М. Загидуллиной, «личная жизнь гения оказывается в фокусе внимания потому, что сам гений становится мифом. <...> Биографические исследования показывают, что общая, иногда подспудная их цель одна и та же, связанная с “базовым мифом” – ответить на вопрос: почему именно он? При этом рассказ о жизни гения должен соответствовать его высокому статусу – неважно, будет ли это объясняться “божественным глаголом” или “сатанинскими зигзагами”» [Загидуллина 2001: 76]. Внимание читателей к судьбам писателей актуального литературного процесса подчиняется, на наш взгляд, той же логике, во многом сакрального характера: почему именно он? В связи с этим в начале XX века идет интенсивная работа по составле-

нию литературных портретов-очерков писателей актуального литературного процесса или писателей недавнего прошлого с помощью обращения к самим литераторам (высылка им специальных опросных листов), интерес к индивидуальному в литературно-художественных практиках чрезвычайно возрос. Так, один из самых известных трудов такого рода – коллективная монография «Русская литература XX века», издаваемая под научным редакторством С. А. Венгерова [Русская литература... 1914–1918]. Венгеров в одном труде соединил автобиографические очерки известных литераторов различных художественных позиций – Л. Андреева, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, И. Бунина, В. Вересаева, М. Горького, Б. Зайцева, Вяч. Иванова, Д. Мережковского и очерки-жизнеописания, созданные историками литературы и философами (три тома были изданы в 1914–1918 гг.). В 1907 году А. Чеботаревская собирала автобиографии писателей для сборника «Краткие биографические данные русских писателей за последнее 25-летие русской литературы» [Собрание автобиографий... 2003]. Яркими образцами этого жанра можно также считать «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда (1905), «Поэзия гр. А. К. Толстого» В. С. Соловьева (1895), «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» Д. С. Мережковского (1897), «Антон Павлович Чехов» В. Г. Короленко (1904), «Всеволод Михайлович Гаршин» (1910). Несмотря на очевидную разницу между подходами к литературному процессу в указанных выше примерах (импрессионистическая критика Ю. Айхенвальда методологически не равна философскому подходу Д. Мережковского или классическим очеркам-жизнеописаниям С. Венгерова), можно говорить о том, что Ф. Фидлер способствовал тому, что И. Сухих называет «упорядочивание канона» [Сухих 2016: 335], создал метажанровую форму, синтезирующую оптику автобиографии-портрета, интервью и литературно-критической рефлексии, так как дал возможность литераторам различных художественных стратегий восполнить те лакуны, которые могли возникнуть при «направленном» подходе, и ответить на вопрос и пубlique, и себе: почему именно я?

Не меньшей влиятельностью для данного контекста является динамика жанров в литературе второй половины XIX века. Значимым явлением становится беллетризованная автобиография, как, например, А. И. Герцен «История одного молодого человека» (1840–1841) и «Былое и думы» (1852–1868), С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (1858), Л. Толстой «Детство. Отрочество. Юность» (1852–1857), М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1887), Н. Гарин-Михайловский «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895) и многие другие. Зависимость от данной традиции труда Ф. Фидлера, на наш взгляд, не подлежит сомнению, но если автобиография в целом, художественная в частности, зависит от линейного нарратива, специфически формирует образ рассказчика – эго-нарратора, показывающего условия формирования персональной идентичности как части сословной и со-

циокультурной (о чем см. [Сабурова 2015]), Ф. Фидлер концентрируется на специальных нарративах, формирующихся в литературном профессиональном дискурсе, и собирает свидетельства, имеющие статус документа (несомненной правдивости).

На наш взгляд, можно говорить о том, что Ф. Фидлер обладал «антологическим» или «ансамблевым» мышлением, склонностью к собиранию разнородного материала воедино. В истории литературы почти всегда такого рода «ансамблевость» связана с определенной культуртрегерской позицией собирателя, причем мы эту модель можем встретить и в современном литературном процессе (так, например, исследователь новейшего русского литературного процесса Н. Барковская видит такой же принцип в составлении «Антологии уральской современной поэзии» поэтом В. Кальпиди – «стендовую модель» литературы, не зависящую от оценки вклада писателя [Барковская 2023: 172]). Ф. Фидлера заботило не иерархическое размежевание авторов и построение уровней модели литературного процесса, а, скорее, общая первичная фиксация синхронического среза художественной словесности. Это может быть объяснено спецификой его профессиональной деятельности (преподавание филологических дисциплин), которая также переживала серьезную перестройку в связи с переоценкой роли гуманитарных дисциплин и истории литературы, в частности, в 1870-е годы. Также необходимо учитывать возникший запрос эпохи на составление хрестоматий и антологий. Неслучайно одна из наиболее объемных хрестоматий отечественной литературы А. Д. Галахова, появившаяся в 1843 году, выдержала к началу XX века 40 изданий. И если составление хрестоматии предполагает унификацию представлений о литературном процессе, то составление сборника Ф. Фидлером – принципиальная панорамность. Это повлияло на архитектуру сборника, так как составитель не стремился разделить авторов по стилям и годам появления в литературном процессе. Единственный принцип следования авторов – время поступления анкет: «Предлагаемый здѣсь автобиографіи размѣщены въ порядкѣ ихъ поступления. Авторамъ предоставлялось отвѣчать въ любой формѣ и не на всѣ пункты нижеприводимая опроснаго листа» [Фидлер 1911: 4]. И если составление биографии – это взгляд на художника со стороны, то ревизия, затеянная Ф. Фидлером, – это оценка, произведенная изнутри писательского сообщества (самоосмысление). Также важно, что несмотря на различный социальный статус писателей, анкеты, включенные в метанаррацию о художественном письме в данном материале, дают общий срез отношения к определенным константным позициям жизни литераторов, среди которых – конфликт между символической стоимостью труда литератора и его реальной оплатой.

Текст автобиографии литератора принципиально интердискурсивен, так как сочетает в себе признаки общей метафоричности художественного письма и практики самопрезентации, наработанные за время профессионализации сферы литера-

турного творчества. Эпоха модерна фиксирует интересный ценностный сдвиг, который происходит в общественном сознании в отношении литературы и литераторов. Если в конце XVIII века занятие литературой – служба государству и независимой литературе еще не существует, то за конец XVIII – начало XIX веков эта сфера искусства прошла длинный путь, включающий в себя ее автономизацию от государства в конце XVIII века (литература, будучи частным делом, начала включать в себя дилетантские занятия письмом), понижение статуса литературы за счет исключения ее из сферы одобряемых занятий в противовес службе в конце XVIII – начале XIX веков, но при этом постепенное присваивание ей облагораживающего статуса, которое привело к возвышению литераторов в конце века. В середине XIX века П. В. Анненков высказывает мысль, что писатель – человек априорно высоконравственный, «занятие литературой, казалось всем, требует прежде всего чистых рук и возвышенного характера» (цит. по [Рейтблат 2020: 28]). Во второй половине XIX века в связи с либерализацией цензуры, ростом числа читателей, введением курса истории литературы в гимназические курсы и в программу военных училищ, укреплением коммерческих отношений между писателем и издателем, ростом количества газет и журналов литературой занимаются уже авторы-профессионалы, и это очень разнообразная с точки зрения этических представлений среда.

Анкета Ф. Фидлера включает в себя вопросы, ранее немислимые в публичном дискурсе литераторов. А. Рейтблат, анализируя профессионализацию литературного труда в XIX веке, пишет о ролевом конфликте, в котором находились писатели, поставленные перед необходимостью определиться, кто они прежде всего – литераторы или служащие [Рейтблат 2020: 112]. Публичное обсуждение денег разрушало представление о литераторе как о персоне, не зависящей или кажущейся независимой от финансов. К концу XIX века литературный рынок диктует иные этические нормы, поэтому обсуждение гонораров становится приемлемой приметой повседневности литераторов, что и отражено в вопросах анкеты 17, 18, 19: «XVII. Даромъ ли было отдано для напечатанія первое произведение или за оттиски или экземпляры. Въ какомъ количествѣ? XVIII. Первый гонораръ. – Со строки, съ листа или полностью за всю рукопись? – XIX. Неисправность въ платежахъ издателя или редактора. Вслѣдствіе недобросовѣстности или несостоятельности?». И потому отвечающие на анкеты писатели дают в некоторых случаях нейтральные ответы: да, гонорар платили и платят (дело обычное). Например, И. Щеглов (Леонтьев): «Сколько помнится, мой первый гонораръ – плата за корреспонденцію о землетрясеніи, заключался въ одиннадцати рубляхъ съ копейками!» [Фидлер 1911: 99]; В. Томашевская: «За всѣ свои произведенія получала гонораръ въ размѣрѣ отъ 60–100 руб. за листъ. Первый гонораръ былъ построчный, почему со строки, – не помню; за рассказъ получила около 15 руб. Деньги всегда получала безъ задержки» [Там

же: 130]; И. Ясинский: «Даромъ первыхъ произведений своихъ я не печаталъ. Первый мой гонораръ изъ “Кіевскаго Вѣстника” – былъ по 2 1/2 копейки со строки. Большихъ неисправностей въ платежахъ издателей и редакторовъ по отношеніи ко мнѣ не было» [Там же: 202]; К. Арсеньев: «Первый гонораръ (50 р. за печатный листъ) я получилъ въ началѣ 1859 года за вторую статью, помещенную мною въ “Русскомъ Вѣстникѣ”» [Там же: 145]; К. Баранцевич: «За первое напечатанное произведение получилъ гонораръ, хотя весьма незначительный, и ни одного оттиска, почему и лишень возможности обогатить музей Ф. Ф. Фидлера» [Там же: 164].

При этом Ф. Фидлер уже точно знает, что оплата литературного труда может иметь достаточное количество вариаций (например, «неисправность в платежах»), поэтому ему кажется важным выделить эту тему в отдельный вопрос. Согласны с этим и литераторы: «Мечта о чердаках вышла изъ моды, таланты оцѣниваются пропорціонально получаемым ими доходамъ» [Фидлер 1911: 264]. См., например, анкеты А. Лугового: «Ничего не получилъ за рассказъ “За грозой – ведро”, напечатанный въ журналѣ “Дѣло”. Я не протестовалъ, такъ какъ журналъ закрылся» [Там же: 82]; Н. Пружанского «Я могъ бы рассказать еще более поразительные факты беззастенчивой издательской эксплуатаціи» [Там же: 212]; А. Зарина: «Бывали столкновенія и съ издателями: мелкіе обсчеты и наглые обманы, эпизоды комическіе и драматическіе. <...> Русскій писатель не способенъ судиться, и всѣ такія продѣлки проходили и проходятъ для издателей безнаказанно» [Там же: 223]). Литераторы могут болезненно относиться к гонорарам друг друга, свидетельств чего мы можем найти достаточно и в его дневниках. Кроме того, некоторые периодические издания имели очень непродолжительную историю, закрываясь с долгами (о чем свидетельствует, например, анкета И. Ясинского, бывшего редактором и издателем журналов «Почтальон» и «Беседа»: «Самымъ неисправнымъ, впрочемъ, редакторомъ-издателемъ былъ я самъ по отношенію къ себѣ, когда издавалъ свои журналы. Я не только не заплатилъ себѣ ни копейки за свои многочисленные и бессонные труды, но еще, въ концѣ-концовъ, отнялъ у себя и подарилъ русской публикѣ до 40 тысячъ трудовыхъ денегъ» [Там же: 202]). Писатель становился частью истории о какой-либо издательской неудаче, собственной (И. Гриневская: «черезъ полгода настолько рѣзко обозначилось разногласіе между тенденціями пайщиковъ и тенденціями, уже определявшими, въ статьяхъ Волынскаго, физиономію журнала, что дѣло кончилось третейскимъ судомъ» [Там же: 191]) или чужой (О. Шапир: «Гонораръ мой не поднимался выше 200–250 руб. Неоплаченной (кроме, конечно, вещей, данныхъ мною въ благотворительные сборники) осталась только одна большая повѣсть вслѣдствіе краха изданія» [Там же: 55]).

Сборник Ф. Фидлера фиксирует также, как занятие литературным трудом становится единственным средством к существованию и как болезненно осмысливается эта зависимость литерато-

рами. В связи с этим помимо иных, сформулированных по-разному, мотивов заниматься творчеством нужда и неблагополучие названы более чем в половине анкет. Репрезентация мотивной системы занятия литературным трудом стремится к образованию устойчивой оппозиции: «непреодолимая потребность» творить – нужда заставила. Н. Пружанский: «Никому, кажется, не приходилось видеть столько ростовщической недобросовестности, торгашеского безстыдства, сколько на своем веку пришлось видеть мне. Мне, например, целый год пришлось вынести на своих плечах одно издание, ежедневно писать по шести-семи соть строк в день, а по воскресеньям и до тысячи» [Фидлер 1911: 212]. В связи с этим в ряде анкет ярко звучит мотив отчаяния и неустройства: А. Луговой: положение «Выражаясь гиперболически – отчаянное, а говоря просто – я за все время своей литературной деятельности никогда не чувствовал себя обеспеченным своим литературным заработком» [Там же: 83]; «Долго не рѣшался [пойти за гонораром – Е. С.]. Брался за ручку двери в редакцию и отходил. Не на что было обѣдать, – опять пошел» (Е. Чириков, [Там же: 43]); «если бы мнѣ пришлось жить литературным заработком, – эти строки не были бы написаны, так как мнѣ давно пришлось бы умереть съ голоду» (П. Соловьева-Allegro) [Там же: 94]; «Вначалѣ существовать было *очень тяжело!* Потомъ стало просто *тяжело*. Теперь, послѣ 32 лѣтъ литературной работы, все еще – *тяжело*; а въ перспективѣ, вѣроятно, будетъ опять *очень тяжело*» (В. Тихонов, курсив автора [Там же: 41]).

Литераторы акцентируют наше внимание на счастье независимости от денег, что практически всегда связано с совмещением писательства с иной работой: Г. Петров «Служба доставляла мнѣ достаточныя средства для скромнаго существованія, и потому литературный гонораръ никогда не представлялъ для мѣня вопроса жизни. Писалъ я по неодолимой потребности «сочинять» и писалъ всегда только на интересовавшія темы. Не дорожа построчной платой, я безъ колебанія зачеркивал цѣлыя страницы, цѣлыя главы, если при перечитываніи находилъ ихъ малозанимательными» [Фидлер 1911: 17]; Г. Галина: «Заплатили мнѣ, кажется, по 25 коп. за строку, но гонораръ не имѣлъ тогда для меня значенія – я служила на телеграфѣ и получала жалованье» [Там же: 142]. В. Томашевская: «Въ началѣ литературной дѣятельности жила на средства мужа, теперь живу небольшой пенсіей и переводной работой» [Там же: 130]; В. Тихонов: «Нѣтъ, за гонораръ, по 5 коп. за строку. И вообще, къ стыду моему, я почти никогда и ничего не печаталъ даромъ. За все, злодѣи, платили!» [Там же: 40].

В сборнике автобиографій лишь несколько авторов отметили удовлетворенность прошлым материальным положением (например, И. Щеглов: «Мытарствовать по редакціям на моих первых литературных шагах мне почти не приходилось» [Фидлер 1911: 97]) и «нынешним» (например, Л. Андреев [Там же: 32], А. Измайлов: «В 1908 году мог осуществить мечту о посещении Италии и

Германии. Но до исполненія мечты не о собственной виллѣ, а просто дачѣ под Петербургом, все-таки еще далеко» [Там же: 35]; И. Бунин: «Теперь недурно, гонорары получаю большіе» [Там же: 265]. Большинство же отмечает, подобно П. Соловьевой (Allegro), что «въ матеріальномъ отношеніи отъ занятій литературой ничего, кромѣ убытка, не имѣю» [Там же: 94].

При этом романтическое отрицание гонораров встает рядом с осмыслением платы за творческое письмо как границы, переход которой маркирует персону как профессионального литератора. Литератор – тот, кто получает за творческое письмо деньги. И. Щеглов: «когда вслѣдъ за тѣмъ изъ редакціи “С.-Петербургскихъ Вѣдомостей” былъ полученъ гонораръ – мой товарищъ отнесся уже съ полнымъ уваженіемъ къ началу моей литературной дѣятельности» [Фидлер 1911: 98] (здесь и далее курсив наш – Е. С.). Вполне объяснимо то, что ряду литераторов первые гонорары казались «священными». Например, А. Федоров «Платили въ газетѣ отъ пяти до десяти копеекъ за строчку, но эти деньги казались мнѣ *священными*, и, несмотря на то, что я съ четырнадцати лѣтъ былъ человѣкомъ самостоятельнымъ и жилъ на десять-двѣнадцать рублей, которые зарабатывалъ уроками, литературный гонораръ я тратилъ на покупку книгъ или на театр» [Фидлер 1911: 104]; П. Соловьева: «Года черезъ два эти самыя два стихотворенія были напечатаны въ “Нивѣ” за подписью П. С-ва, а я получила гонораръ, которымъ *очень гордилась*» [Там же: 93]; Л. Пантелеев: «И, къ великому моему удовольствію, статья дѣйствительно появилась въ августовской книжкѣ “Свѣточа” за 1861 г. Гонораръ я получилъ безъ малѣйшей задержки въ размѣрѣ 25 р. и безплатно, помнится, двадцать оттисковъ» [Там же: 146]; А. Хирьяков: «Заплатили мнѣ за это стихотвореніе по 50 к. за строку, и этотъ первый гонораръ, а главное, самое появленіе моего стихотворенія за моей подписью въ печати наполнили мое сердце *«великолѣпной гордостью»*; он же: «Появленіе моихъ стихотвореній въ печати, доставляя мнѣ *большое удовольствіе*, все-таки не будило во мнѣ сознанія, что я писатель, поэтъ, литератор. Жизнь шла своимъ чередомъ, а стихи являлись чѣмъ-то случайнымъ, неожиданнымъ» [Там же: 239]; Е. Чириков: «Стою съ краснымъ лицомъ у кассы, не считая кладу въ карманъ гонораръ и выбѣгаю вонъ... Получилъ первый гонораръ по 2 к. за строку, 14 съ чѣмъ-то рублей!.. Съ этого дня *писательскій зудъ*, съ одной стороны, а съ другой – крайняя нужда сдѣлали изъ меня постоянного сотрудника “Волжскаго Вѣстника” и другихъ поволжскихъ газетъ» [Там же: 44]; Морозов: «Вид этого своего перваго анонимнаго произведенія в печати привелъ меня, еще 19-летнего юношу, в *неописуемый восторг*. В журналѣ оно показалось мне несравненно лучше, чем в рукописи» [Там же: 75]; Федоров: «Никогда послѣ этого я не испытывалъ такой *безумной гордости и восторга*, какъ въ тотъ моментъ, когда мое стихотвореніе появилось въ “Саратовскомъ Дневникѣ”» [Там же: 103]; Гусев-Оренбургскій: «К этому времени относится полученіе перваго гонорара, что

представляет собою тоже *немаловажное событие* въ жизни литератора. <...> Въ тотъ вечеръ улицы глухого городка казались мнѣ широкими и свѣтлыми. Увы! – такъ я познакомился впервые съ злѣйшимъ врагомъ своимъ – платою за литературный трудъ. Впослѣдствіи, когда пришлось жить исключительно литературнымъ трудомъ, этотъ врагъ долго пилъ сокъ моего мозга... Но это уже крестъ общій!» [Там же: 125–126].

Ряд авторов фиксируют определенное неведение в то, что их первые литературные труды вообще заслуживают оплаты: В. Авенариус: ««Ну да, какъ же! Я пойду, спрошу, а кассиръ мнѣ въ лицо разсмѣются»... – подумалъ я про себя и поспѣшилъ убраться вонъ. Уже немного погодя я сообразилъ, что Дудышкинъ и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, назначилъ мнѣ какой-нибудь гонораръ. Но по природной застѣнчивости у меня не достало уже духу итти снова въ контору за справкой» [Фидлер 1911: 15]; Н. Тэффи: «Имѣла ли редакція намѣреніе заплатить мнѣ за мое первое произведение – я не знаю, такъ какъ очень стѣснялась показаться на глаза людямъ, принявшим мои скверные стихи. Первый гонораръ: 25 коп. за строчку стиховъ. Бывали неисправные издатели, но въ недобросовѣстности своей никто не признавался. Сваливали на несостоятельность» [Там же: 205]. Этот конфликт нередко помещает писателей в анекдотические ситуации, когда желание получить гонорар за первый литературный успех совпадает с неудачей издателя (см. автобиографию А. Зарина: «Смутившись, я несвязно изложилъ свои надежды относительно гонорара, и эффектъ отъ моихъ словъ превзошелъ всякія ожиданія. Сидевшій на полу замахалъ ножкою отъ стула, которую собирался вклеить, и заревель: – Гонорары! Платить! Всѣмъ платить! За перездъ, за почту, еще за паршивые стихи! Нахаль этакій! Кровь ударила мне въ голову. – Самъ ты нахаль! – закричалъ я. – Вонъ! – раздался дикій крикъ и, вскочивъ на ноги съ поднятой ножкой стула, онъ бросился на меня. Я позорно убежалъ и опомнился только на улице» [Там же: 219]).

Самовосприятие в контексте дебюта, особенно если писатель оказывается в ситуации длительного ожидания широкой общественной известности (второго дебюта, см. о теории явления [Щенников 2002: 876; Созина 2021]), кардинально меняет стратегию письма, интенсифицирует сюжет об испытаниях, которые должен пройти литератор, прежде чем сделаться «настоящим автором». Здесь же мы должны говорить о саморефлексии над «творческой неудачей» [см. Феномен творческой неудачи 2015: 6]. Литераторы называют ряд ограничений, не позволивших сразу выйти к читателю, среди которых цензурные условия (например, анкета народовольца Н. Морозова: «Само собой понятно, что ни они, ни другія мои первыя произведенія не были допустимы для обычной печати по цензурнымъ условіямъ, и гонораръ за нихъ въ заграничныхъ и подпольныхъ изданіяхъ я не получилъ» [Фидлер 1911: 77]), необходимость быстрого заработка в ущерб истинному предназначению (В. Светлов: «Борьба за существованію была не ма-

лая, ибо я всю свою дѣятельность прожилъ исключительно литературнымъ трудомъ. Въ настоящее время состою редакторомъ журнала “Нива”, получаю опредѣленное жалованье, но зато очень мало пишу и заработокъ мой значительно меньше заработка послѣдняго десятилѣтія моей литературной деятельности» [Там же: 141]); А. Зарин: «Борьба за существованіе проходитъ красной нитью черезъ всю мою жизнь, но я въ настоящее время думаю, что мы – писатели, художники, артисты – ухитряемся сами устраивать адъ своей жизни» [Там же: 223]. Успешность литератора складывается благодаря совпадению или несовпадению с «программой» журнала или газеты, конъюнктурный характер отбора текстов либо принимается как должное, либо вызывает ярое негодование как условие несвободы письма («лучше бѣдствовать и безъ конца ждать лучшихъ дней, чѣмъ рисовать жизнь такъ, какъ этого хочетъ кто-то другой, а не моя собственная душа» (Б. Лазаревский, [Там же: 11])).

Предположение, что без терний не может проходить путь автора, уже заложено в нарративной рамке анкеты Ф. Фидлера. В вопроснике также предлагается вспомнить не только о тех, кто способствовал открытию дарования, но и о лицах, «препятствовавшихъ развитію литературного таланта» (вопрос 2) [Фидлер 1911: 3]; особо отмечаются, помимо «мытарства по редакціямъ» [Там же: 4], случаи «самовольного исправления, добавления, сокращения и искаженія редакторомъ или издателемъ первоначальной рукописи» (вопрос 14) [Там же: 4]. Своеобразная их стереотипность обыгрывается в зачине нарративов о начале творчества Т. Л. Щепкиной-Куперник: «“Первые шаги писателя на литературномъ поприщѣ!” Одна эта фраза уже неизбѣжно вызываетъ цѣлую вереницу готовыхъ образовъ и представленій: мытарство по редакціямъ, возвращеніе непрочитанныхъ вещей, холодно-недовѣрчивые глаза секретарей редакціи, классическое “зайдите черезъ недѣльку... лучше черезъ двѣ”... Письма, оставленные безъ отвѣта; сомнѣнія, муки и тревоги за судьбу рукописи и т. д., и т. д. Но мнѣ придется разочаровать Васъ, многоуважаемый Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, если Вы ждете отъ меня такого разсказа» [Там же: 69].

## Выводы

Вопросы Ф. Фидлера были построены на интерпретации частотных нарративов литературной жизни рубежа XIX–XX веков, анализируемых Фидлером непосредственно в практике повседневности из общения с акторами литературного Петербурга. В 2008 году были изданы дневники Ф. Фидлера «Из мира литераторов» под редакцией К. Азадовского, в которых многие разговоры писателей зафиксированы (реплики общих диалогов), поэтому можно утверждать, что в силу позиции в литературном мире Петербурга собиратель мог составить анкету на основании эмпирического метода сбора данных [Фидлер 2008]. Отмечаемая исследователями общая демократизация сферы творческого письма, предполагающая создание текстов как основной вид деятельности (ради зара-

ботка), появление большого количества периодических изданий, требующих нарастания темпа производства литературных продуктов, развитый рынок и отработанные модели взаимодействия между писателем и издателем – все это создавало понятный, рутинный фон жизни писателей. Систематизация наблюдений за авторами разной стилиевой и «направленческой» позиции, частично отраженная в дневниках «Из мира литераторов», привела к первичной унификации их творческого опыта и разработке вопросного листа. Полученные автором анкеты данные действительно подтверждали такую картину мира писателей. Несмотря на то, что во многих анкетах отмечается, что опла-

та начинающим литераторам производилась без особого обмана и в срок, эти деньги служили водоразделом между жизнью в безвестности и новым существованием в творчестве, частотность упоминаний незавидной участи писателя в сборнике «Первые литературные шаги» является самой высокой. Метатекстуальный нарратив о горестной, проблемной судьбе формируется из суммы условий внешнего и внутреннего характера, а также в результате следования стереотипным установкам писательской среды, полагающей невозможность входа в «мир литераторов» без «мытарств». И далеко не на последнем месте оказывается фактор материальной обеспеченности.

## Литература

- Абашева, М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности) / М. П. Абашева. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2001. – 318 с.
- Александров, А. С. Ответы писателей на анкеты массовых периодических изданий начала XX в. / А. С. Александров // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 5–10. – EDN ECKFDZ.
- Андрущенко, Е. А. Некрасовская анкета К. И. Чуковского и Д. С. Мережковский / Е. А. Андрущенко // Вестник славянских культур. – 2023. – № 67. – С. 174–185. – DOI: 10.37816/2073-9567-2023-67-174-185. – EDN OAJKDU.
- Анисенко, Д. А. Ловец автобиографий: литературное коллекционирование Федора Фидлера / Д. А. Анисенко // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 138–161. – DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-138-161. – EDN FXMPPG.
- Барковская, Н. В. Поэтический фестиваль InВерсия: креативность коммуникации и опыт коллективного авторства / Н. В. Барковская // Quaestio Rossica. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 170–187. – DOI: 10.15826/qr.2023.1.782. – EDN WFGSCY.
- Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
- Вахненко, Е. Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) / Е. Е. Вахненко // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–115. – DOI: 10.17223/18137083/69/9. – EDN OOKRDJ.
- Дубин, Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) / Б. В. Дубин // Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – С. 98–119.
- Дубин, Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре / Б. Дубин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 345 с.
- Загидуллина, М. В. Пушкинский миф в конце XX века / М. В. Загидуллина. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2001. – 244 с. – EDN RBLWZD.
- Карташева, И. Ю. К проблеме изучения современной литературы русского зарубежья / И. Ю. Карташева // Вестник Челябинского государственного университета. – 1994. – Т. 2, № 1. – С. 110–113. – EDN VXPHNP.
- Клементьев, Р. Е. Стенограммы и вокруг них: Из опыта работы по созданию цифрового архива документов Отдела рукописей ИМЛИ РАН / Р. Е. Клементьев // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2023. – № 3. – С. 165–172. – DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-14. – EDN YXPANS.
- Кузнецов, И. В. «Как мы Пишем» – тогда и теперь / И. В. Кузнецов // Новый филологический вестник. – 2019. – № 4 (51). – С. 65–72. – DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00090. – EDN HWHIGO.
- Кузнецова, И. А. Французские писатели отвечают на «Анкету Пруста» // Перевод и вступление И. Кузнецовой // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – С. 280–284.
- Лакшин, В. Я. Лев Толстой глазами современников / В. Я. Лакшин // Интервью и беседы с Львом Толстым. – Москва : Современник, 1987. – С. 3–17.
- Матвеева, И. И. Андрей Платонов и литературная дискуссия 1920-х годов / И. И. Матвеева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 1-2. – С. 102–106. – EDN PFIKPL.
- Рейтблат, А. И. Классика, скандал, Булгарин...: статьи и материалы по социологии и истории русской литературы / А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 574 с.
- Рейтблат, А. И. Что не попадает в биографию? / А. И. Рейтблат // Писать поперек: Статьи по биофике, социологии и истории литературы. – Москва : НЛО, 2014. – С. 203–210.
- Русская литература XX века (1890–1910) : в 3 т. / под ред. С. А. Венгерова. – Москва : Издание товарищества «Мир», 1914–1918.

Сабурова, Т. А. «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX века / Т. А. Сабурова, Н. Н. Родигина // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1 (75). – С. 152–155. – EDN TQIRQX.

Савкина, И. Л. Быть знаменитым красиво: этотекст как феномен / И. Л. Савкина // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. – С. 110–123. – EDN TQWGEO.

Савкина, И. Л. Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра / И. Л. Савкина // Вопросы литературы. – 2013. – № 1. – С. 337–354. – EDN TVTTFI.

Силантьев, И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 58–68. – EDN PJUMID.

Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской // Писатели символистского круга. Новые материалы. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – С. 411–453.

Созина, Е. К. Нижний Тагил в современной поэзии Урала. Екатерина Симонова / Е. К. Созина // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 114–122. – DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-114-122. – EDN XWJXKY.

Сухих, И. Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции / И. Н. Сухих // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17, № 3. – С. 329–336. – EDN XDMQHN.

Феномен творческой неудачи / Н. В. Барковская, Т. Н. Бреева, Л. П. Быков [и др.] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. – 486 с. – DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000. – EDN UWZHYB.

Фидлер, Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер ; подгот. К. Азадовский. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – (Россия в мемуарах / Российская Акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский дом)). – 861 с. – EDN QTKBZX.

Фидлер, Ф. Ф. Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / Ф. Ф. Фидлер. – Москва : типография товарищества И. Д. Сытина, 1911. – 268 с.

Черняк, М. А. «Как мы Пишем», или проблема литературного самосознания / М. А. Черняк, М. А. Саргсян // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 2 (14). – С. 67–79. – DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-79. – EDN BPZEXB.

Щенников, Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина / Г. К. Щенников // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 1. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – С. 876–897.

## References

Abasheva, M. P. (2001). *Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza kontsa XX veka: stanovlenie avtorskoy identichnosti)* = Literature in search of a face (Russian prose of the late 20<sup>th</sup> century: The formation of the author's identity). Perm, Perm University Publishing House, 318 p.

Aleksandrov, A. S. (2019). *Otvety pisateley na ankety massovykh periodicheskikh izdaniy nachala XX v.* = Writer's answers to the questionnaires of periodicals of the beginning of the 20<sup>th</sup> century. *Bulletin of Tomsk State University*, 447, 5–10. EDN ECKFDZ.

Andrushchenko, E. A. (2023). *Nekrasovskaya anketa K. I. Chukovskogo i D. S. Merezhkovskiy* = Nekrasov questionnaire by K. I. Chukovsky and D. S. Merezhkovsky. *Bulletin of Slavic Cultures*, 67, 174–185. DOI: 10.37816/2073-9567-2023-67-174-185. EDN OAJKDU.

Anisenko, D. A. (2023). *Lovets avtobiografii: literaturnoe kollektsonirovanie Fedora Fidlera* = Autobiography catcher: Literary collecting of Fedor Fiedler. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8(4), 138–161. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-138-161. EDN FXMPPG.

Barkovskaya, N. V. (2023). *Poeticheskiy festival' InVersiya: kreativnost' kommunikatsii i opyt kollektivnogo avtorstva* = The InVersiya poetry festival: The creativity of communication and collective authorship. *Quaestio Rossica*, 11(1), 170–187. DOI: 10.15826/qr.2023.1.782. EDN WFGSCY.

Barkovskaya, N. V., Breeva, T. N., Bykov, L. P. et al. (2015). *Fenomen tvorcheskoy neudachi* = The phenomenon of creative failure. 2<sup>nd</sup> edition. Ekaterinburg : Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 486 p. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000. EDN UWZHYB.

Brockmeyer, J., Harre, R. (2000). *Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy* = Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm. *Questions of Philosophy*, 3, 29–42.

Chernyak, M. A., Sargsyan, M. A. (2021). «Kak my Pishem», ili problema literaturnogo samosoznaniya = “How we write,” or The problem of literary identity. *Siberian Philological Forum*, 2(14), 67–79. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-79. EDN BPZEXB.

Dubin, B. (2010). *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* = Classics, after and next: Sociological essays on literature and culture. Moscow: New Literary Review, 345 p.

Dubin, B. V. (2001). *Biografiya, reputatsiya, anketa (O formakh integratsii opyta v pis'mennoy kul'ture)* = Biography, reputation, profile (On the forms of integration of experience in written culture. *Word – Pen – Literature: Essays on the sociology of contemporary culture*, 98–119. Moscow: New Literary Review.

- Fidler, F. F. (1911). *Pervye literaturnye shagi: avtobiografii sovremennykh russkikh pisateley* = First literary steps: Autobiographies of contemporary Russian writers. Moscow: printing house of the I. D. Sytin partnership, 268 p.
- Fidler, F. F. (2008). *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* = From the world of writers: Characters and judgments. Moscow: New Literary Review, 861 p. EDN QTKBZX.
- Kartasheva, I. Yu. (1994). K probleme izucheniya sovremennoy literatury russkogo zarubezh'ya = Toward the problem of studying the modern literature of the Russian abroad. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2(1), 110–113. EDN VXPHPN.
- Klementyev, R. E. (2023). Stenogrammy i vokrug nikh: Iz opyta raboty po sozdaniyu tsifrovogo arkhiva dokumentov Otdela rukopisey IMLI RAN = Transcripts and around them: From the experience of work on creating a digital archive of documents stored in the Manuscripts Department of the IWL RAS. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 3, 165–172. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-14. EDN YXPANS.
- Kuznetsov, I. V. (2019). «Kak my Pishem» – togda i teper' = “How we write” – then and now. *New Philological Bulletin*, 4(51), 65–72. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00090. EDN HWHIGO.
- Kuznetsova, I. A. (2000). Frantsuzskie pisateli otvechayut na «Anketu Prusta» = French writers respond to the Proust Questionnaire. *Foreign literature*, 4, 280–284.
- Lakshin, V. Ya. (1987). Lev Tolstoy glazami sovremennikov = Leo Tolstoy through the eyes of contemporaries. *Interviews and conversations with Leo Tolstoy*, 3–17. Moscow: Contemporary Publishing House.
- Matveeva, I. I. (2012). Andrey Platonov i literaturnaya diskussiya 1920-kh godov = Andrei Platonov and the literary discussion of the 1920s. *Bulletin of Vyatka State University*, 1-2, 102–106. EDN PFIKPL.
- Reytblat, A. I. (2014). Chto ne popadaet v biografiyu? = What doesn't make it into the bio? *Writing across: Articles of biography, sociology and history of literature*, 203–210. Moscow: New Literary Review.
- Reytblat, A. I. (2020). Klassika, skandal, Bulgarin...: stat'i i materialy po sotsiologii i istorii russkoy literatury = Classics, scandal, Bulgarin...: Articles and materials on sociology and history of Russian literature. Moscow: New Literary Review, 574 p.
- Saburova, T. A., Rodigina, N. N. (2015). «Pervye lyudi v Rossii»: soslovnaya i professional'naya identichnost' v memuarно-avtobiograficheskoy proze russkikh literatorov XIX veka = “The first people in Russia”: Class and professional identity in the memoir-autobiographical prose of Russian writers of the twentieth century. *Herald of Omsk University*, 1(75), 152–155. EDN TQIRQX.
- Savkina, I. L. (2013). Zapiski kak «depersonalizirovannyi dnevnik»: dokumental'no-khudozhestvennyy potentsial zhanra = Notes as a “depersonalized diary”: Documentary and artistic potential of the genre. *Literature questions*, 1, 337–354. EDN TVTTFL.
- Savkina, I. L. (2018). Byt' znamenitym krasivo: egotekst kak fenomen = Being famous is beautiful: Egotexts as a phenomenon. *Cult-goods: Mass literature of modern Russia between the letter and the digit*, 110–123. Saint Petersburg: Herzen University. EDN TQWGEO.
- Shchennikov, G. K. (2002). Literaturnye debyuty D. N. Mamina = Literary debuts of D. N. Mamin. *Mamin-Sibiryak D. N. Complete collected works: in 20 vols. Vol. 1*, 876–897. Ekaterinburg: Cultural Information Bank Publishing House.
- Silantyev, I. V., Sozina, E. K. (2013). Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoy prozy A. Gertsena 1840-kh gg. = Narrative in literature and history. On the material of A. Herzen's diary prose of the 1840s. *Siberian Philological Journal*, 3, 58–68. EDN PJUMID.
- Sobranie avtobiografiy Anastasii Chebotarevskoy = Collection of autobiographies of Anastasia Chebotarevskaya. (2003). *Writers of the symbolist circle. New materials*, 411–453. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Sozina, E. K. (2021). Nizhniy Tagil v sovremennoy poezii Urala. Ekaterina Simonova = Nizhny Tagil in the modern poetry of the Urals. Ekaterina Simonova. *Ural Historical Bulletin*, 1(70), 114–122. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-114-122. EDN XWJXKY.
- Sukhikh, I. N. (2016). Russkiy literaturnyy kanon XX veka: formirovanie i funktsii = Russian literary canon: Formation and function. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 17(3), 329–336. EDN XDMQHN.
- Vakhnenko, E. E. (2019). Redaktsionnaya politika gazety «Birzhevye vedomosti» v kontekste istoricheskogo slo-ma (iyul' 1914 – oktyabr' 1917 goda) = Editorial policy of the newspaper “Birzhevye Vedomosti” in the context of the historical breakdown (July 1914 – October 1917). *Siberian Philological Journal*, 4, 101–115. DOI: 10.17223/18137083/69/9. EDN OOKRDJ.
- Vengerov, S. A. (Ed.). (1914–1918). *Russkaya literatura XX veka (1890–1910): v 3 t.* = Russian literature of the 20<sup>th</sup> century (1890–1910): in 3 vols. Moscow: Published by the Mir partnership.
- Zagidullina, M. V. (2001). Pushkinskiy mif v kontse XX veka = The Pushkin myth at the end of the 20<sup>th</sup> century. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 244 p. EDN RBLWZD.

#### Данные об авторе

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории медиа, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).  
Адрес: 454084, Россия, г. Челябинск, пр-т Победы, 162-в.  
E-mail: L22502@yandex.ru.

#### Author's information

Selyutina Elena Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Media Theory, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 30.09.2024; дата публикации: 31.10.2025

Date of receipt: 30.09.2024; date of publication: 31.10.2025